

28. Nguyen A. Role of topoisomerases in pediatric high grade osteosarcomas: TOP2A gene is one of the unique molecular biomarkers of chemoresistance / A. Nguyen, C. Lasthaus, E. Guerin // *Cancer*. – 2013. – №5. – P. 662-675. doi: 10.3390/cancers5020662.

29. Petrilli S. Results of the Brazilian Osteosarcoma Treatment Group Studies III and IV: Prognostic Factors and Impact on Survival / S. Petrilli, B. de Camargo, V.O. Filho // *Journal of clinical oncology*. – 2006. – №24(7). – P. 1161-1168. doi: 10.1200/JCO.2005.03.5352.

30. Pitano-Garcia A. Methotrexate in pediatric osteosarcoma: response and toxicity in relation to genetic polymorphisms and dihydrofolate

reductase and reduced folate carrier 1 expression / A. Pitano-Garcia, M. Zalacain, L. Marrodan // *Journal of pediatrics*. – 2009. – №154(5). – P. 688-693. doi: 10.1016/j.jpeds.2008.

31. Smeland S. Event-free survival and overall survival in 2,253 patients with osteosarcoma registered to EURAMOS-1 / S. Smeland, J.S. Whelan, S.S. Bielack // *Journal of clinical oncology*. – 2015. – №33. – P. 1051.

32. Smeland S. Results of the Scandinavian Sarcoma Group XIV protocol for classical osteosarcoma / S. Smeland, O.S. Bruland, L. Hjorth // *Acta Orthopaedica*. – 2011. – №82(2). – P.211–216. doi: 10.3109/17453674.2011.566141.

33. Souhami R.L. Randomised trial of two re-

gimens of chemotherapy in operable osteosarcoma: a study of the European Osteosarcoma Intergroup / R.L. Souhami, A.W. Craft, J.W.V. der Eijken // *The Lancet*. – 1997. – №350. – P. 911-917. doi: 10.1016/S0140-6736(97)02307-6.

34. Tu B. Mesenchymal stem cells promote osteosarcoma cell survival and drug resistance through activation of STAT3 / B. Tu, J. Zhu, S. Liu // *Oncotarget*. – 2016. – №7(30). – P. 48296-48308. doi: 10.18632/oncotarget.10219.

35. Xiao X. Individualized chemotherapy for osteosarcoma and identification of gene mutations in osteosarcoma / X. Xiao, W. Wang, H. Zhang // *Tumour biology*. – 2015. – №36(4). – P. 2437-35. doi: 10.1007/s13277-014-2853-5.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

DOI 10.25789/УМЖ.2019.65.30

УДК 314(571.56)(091)

С.С. Слепцов, С.С. Слепцова, А.Г. Егорова, З.Н. Алексеева ФЕНОМЕН ДОЛГОЖИТЕЛЬНОСТИ В ЯКУТИИ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

На основе изучения архивных материалов и данных переписей населения установлено, что представление, сформировавшееся в советские годы, о том, что Якутия является одним из центров долголетия по стране, является ошибочным. Показаны причины, способствовавшие распространению этого ложного утверждения. В качестве наглядного примера рассмотрены церковные и статистические документы Оймяконского и Сунтарского улусов как районов Якутии, где так называемый феномен долголетия был наиболее выражен. Сравнен возраст конкретных жителей Оймяконского района из посемейного списка за 1928 г. со списками, составленными в период с 1942 по 1946 г., в результате чего установлено, что в большинстве случаев селяне предоставляли завышенные сведения о своем возрасте.

Ключевые слова: демография, якуты, старение, долголетие, Якутия.

In the Soviet years, the idea was formed, that Yakutia was one of the centers of longevity in the country. Based on the study of archival materials and census data, it was established that this statement was erroneous. The reasons for spreading this false statement are shown. As an illustrative example, the church and statistical documents of the Oymyakonsky and Suntarsky uluses were considered as areas of Yakutia, where the so-called longevity phenomenon was most pronounced. The age of specific residents of Oymyakonsky district from the family list for 1928 was compared with the lists compiled from 1942 to 1946, as a result of which it was established that in most cases the villagers provided overestimated information about their age.

Keywords: demography, Yakuts, aging, longevity, Yakutia.

В 1897 г. в Якутской области была проведена первая всеобщая перепись населения, по результатам которой установили, где проживает 1043 долгожителя, в т. ч. 90 чел. в возрасте 100 и более лет [9]. В конце 1898 г. управляющий делами Центрального статистического комитета адресовал письмо губернатору Якутской области В.Н. Скрипицыну с просьбой предоставить подробные сведения о каждом жителе области, перешагнувшем столетний рубеж: «...Требуется особое о каждом обследование, в видах уяснения всех условий их жизни и достоверности показанного возраста...» [16]. К письму прилагалось 50 экземпляров анкет с 38 вопросами, касающимися образа

жизни, физического состояния и наследственности респондента.

15.02.1899 г. по указанию губернатора исправнику Якутского округа отослали 10 анкет, Олекминского – 12, Вилюйского – 4, Верхоянского – 5 [18]. Позже выяснилось, что при их заполнении возраст 19, оставшихся к тому времени в живых, респондентов в округах записали со слов, в связи с чем Скрипицын потребовал дополнительных подтверждений: «...Считаю не лишним указать на необходимость во всех 19 случаях просить местные причты удостовериться в справедливости показаний в возрасте по метрическим записям и, если будет невозможно извлечь данные из книги о родившихся, то проследить показания о возрасте по исповедным росписям и книгам на записку браков. При отсутствии по каким-либо причинам второго экземпляра сих книг при причтах, необходимы подробные сведения о времени предоставления метрических книг в духовную консисторию с точным обозначением наименования причта...» [17].

Хотя поиски продолжались более

2 лет, в большинстве случаев установить точную дату рождения оказалось невозможным. В основном это было связано с отсутствием в церковных документах сведений об этих людях, так как многие причты появились позднее, чем предполагаемая дата рождения опрашиваемого. Но в том случае, когда удавалось установить необходимую информацию, оказывалось, что респондент значительно моложе, чем предполагалось. Так, на тот период наиболее старой из верифицированных долгожителей Якутии была 94-летняя Анна Иванова Максимова из Вилюйского округа [19], остальным же «престарелым» было по 70-80 лет. В этом плане довольно показательным является письмо земского заседателя 3-го участка Якутского округа от 10.12.1901 г., адресованное исправнику Якутского округа: «...имею честь при сем представить сведения о трех престарелых лицах Дюпсинского улуса и донести, что по прилагаемым справкам исповедных книг, лицам этим в год всеобщей переписи было не по 100 лет, а гораздо меньше, именно Матрене Ивановой Дмитрие-

ФГБНУ «ЯНЦ КМП»: **СЛЕПЦОВ Спиридон Спиридонович** – к.б.н., доцент, с.н.с., sachaja@yandex.ru, **ЕГОРОВА Айтилина Григорьевна** – к.м.н., гл.н.с. – руковод. отдела, aitalina@mail.ru, **АЛЕКСЕЕВА Зинаида Николаевна** – м.н.с., gzinaida@mail.ru; **СЛЕПЦОВА Снежана Спиридоновна** – д.м.н., доцент, зав. кафедрой СВФУ им. М.К. Аммосова, sssleptsova@yandex.ru.

вой (по исповедной книге Матвеевой) только 72 года, Анисье Ивановой Ушницкой (по исповедной книге Матрене Ушницкой) только 73 года, а Капитону Порохову только 76 лет. Справки эти из исповедных книг даются причтами и заслуживают больше доверия, чем показания, данные во время переписи, так как хорошо помнящий свои года якут представляет скорее исключение, в большинстве случаев якуты обыкновенно теряют счет своим годам и продолжают считать по предположительным и огульным цифрам, например: «Мин (мне – прим. ред.), однако, сто лет» и т. д. Ввиду этого опрос этих лиц по вопросным листкам теряет все свое научное значение...» [20].

Подтверждением небольшого количества старых людей в Якутии в XIX в. служат и данные, полученные из посемейной переписи за 1858 г. [27]. К примеру, в Оймяконо-Борогонском наслеге (ныне Оймяконский улус) из 1121 чел. только у 16 (1,4%) возраст был старше 70 лет, при этом наиболее пожилому было 85 лет. Средний возраст населения составил 27,8 года, средний возраст умерших – 49,2 года. Схожие сведения получены и при анализе информации из метрических книг [25, 26]. Так, в период 1907-1910 гг. средний возраст умерших оймяконцев (n=96) в возрасте от 4 лет и старше составил 49,1 года. При этом доля людей от 70 лет и старше составила 25%, от 90 лет и старше 5,3%. Наиболее старому из умерших было 96 лет.

Незначительно отличались рассматриваемые показатели в Сунтарском районе – по данным метрических книг Крестяхской Трехсвятительской церкви за 1880, 1885, 1892, 1899-1909, 1911, 1912 гг., средний возраст умерших (n=709 чел.) в возрасте от 4 лет и старше составил 47,8 года, доля людей от 70 лет и старше равнялась 16,9%, от 90 лет и старше – 1,7%. При этом максимальный возраст оставлял 100 лет (1 чел.).

Таким образом, очевидно, что никаких выдающихся показателей продолжительности жизни в период с конца XIX по начало XX в. в этих 2 улусах не зафиксировано, хотя позднее они фигурировали как одни из передовых в республике по долголетию.

После окончания Гражданской войны работы по статистическому учету населения в Якутии возобновились. К сожалению, как и во время предыдущей переписи, возрастные данные собирались опросным путем. В результате оказалось, что в 1926 г. на территории республики количество

Динамика количества долгожителей-сах в период с 1928 по 2010 гг. (по данным переписи и выборных листов*)

Количество людей	Год				
	1928	1950*	1970	1989	2010
90 лет и старше, чел.	1248	1023	880	н/д	316
В т. ч. 100 лет и старше, чел.	176	162	100	76	13
Долгожителей на 100 тыс./населения	529	454	308	н/д	68

долгожителей саха составляло 1248 чел., в т. ч. 176 чел. в возрасте 100 и более лет [3]. То есть в пересчете на 100 тыс. якутского населения количество людей в возрасте 90 лет и старше составило 529 чел. (таблица). Но учитывая, что в те годы подавляющее большинство не умели ни читать, ни писать, данный факт принимать на веру неприемлемо. К примеру, среди саха от 70 лет и старше только 0,11% были грамотными и данный показатель оставался таким же незначительным вплоть до 1940-х гг. Работавшая в аэропорту Оймякон с 1943 по 1946 гг. радиотелеграфист Е.Ф. Вяткина в своих воспоминаниях писала следующее «...К якутам мы всегда относились с большим уважением, но жизнь у них была ужасной – неграмотность, полная незащищенность, натуральное хозяйство... Как-то у одного мальчика спросили его возраст. Он говорит: «Тридцать». Спросили, как он считает года? А он быстро на пальцах начал считать: весна, лето, весна, лето и т. д. И мы поняли, что ему было 15 лет...» [13].

Принимая во внимание, что данные первой советской переписи населения вызывают сомнения, нами проведена верификация 11 чел. в возрасте до 50 лет и установлено, что количество прожитых ими лет соответствовало датам рождения, записанным в метрических книгах. Что касается представителей старшего поколения, здесь ответ неоднозначный. Так, при сравнении возрастов матерей и их детей оказалось, что не менее чем у 5 женщин в наслеге возраст, в котором они родили, теоретически составлял 55-67 лет. К сожалению, уточнить возраст этих женщин не представляется возможным из-за отсутствия необходимых документов.

Тем не менее мы сопоставили возраст конкретных лиц (91 чел.) из посемейного списка района за 1928 г. [24] с их же возрастом, указанным в списках освобожденных от налога за 1942 и 1944 гг. [21, 22], в списках трудармейцев, мобилизованных Оймяконским РВК за 1945-1946 гг. [13] и в списках кадровых охотников за 1946 г. [23].

Было установлено, что возраст указан верно или почти верно (± 1 год) лишь в 13,2% (12) случаев, занижен в

5,5 % (5) случаев в среднем на $3,6 \pm 0,8$ года, а в 81,3% (74) случаев значительно завышен. Например, зафиксированы случаи, когда люди указали возраст 131 и 140 лет, тогда как фактически им было 81 и 83 года соответственно. Даже без учета этих 2 невероятных случаев средняя прибавка к возрасту составила $8,9 \pm 0,7$ года, при этом 6 чел. завысили свой возраст на 20 и более лет.

Возможно определенную роль в завышении возраста в годы войны мог сыграть Указ Президиума Верховного Совета СССР от 03.07.1941 г. «Об установлении на военное время временной надбавки к сельскохозяйственному налогу и к подоходному налогу с населения», согласно которому от уплаты налога освобождались хозяйства колхозников и единоличников, нетрудоспособных ввиду преклонного возраста (мужчины 60 лет и старше, женщины 55 лет и старше), не имеющих трудоспособных членов семьи. По нашим данным, к 1942 г. 25,3% (23 чел.) от числа завывсивших свой возраст могли войти в категорию льготников.

Еще одной веской причиной для умышленного завышения возраста в северных районах могла быть попытка избежать мобилизации на трудфронт. Так, в течение 1944-1945 гг. из Верхоянского, Оймяконского и Среднеколымского районов планировалось призвать на строительство аэропортов воздушной трассы Красноярск – Уэлькаль 600 чел. [28]. Однако учитывая, что колхозам тоже необходимо было выполнять свой план, но при этом катастрофически не хватало людей, не исключено, что руководители сельскохозяйственных артелей вносили искажения намеренно.

Скорее всего, искажения данных по возрасту продолжались и в послевоенное время. К примеру, реальный возраст жителя I Борогонского наслег Ф.А. Аммосова в 1944 г. составлял 81 год, хотя он и указывал, что ему 76 лет. Однако в 1957 г. о нем писали как о 109-летнем [11], а в 1966 г. как 117-летнем жителе [15], тогда как фактически ему было 94 и 103 года соответственно. Умер Аммосов в 105 лет и в настоящее время именно его следует считать рекордсменом Оймяконского района по долголетию.

По всей видимости, вышеописанная ситуация с завышениями возраста наблюдалась по всей сельской местности республики, в результате чего после войны в СМИ регулярно начали появляться публикации о так называемом якутском феномене долголетия [4-8, 11, 12, 15]. Как правило, такие статьи всегда имели политический подтекст – авторы статей активно доносили до читателя мысль о том, что описываемые ими старцы являются живыми свидетелями улучшения условий жизни в стране после установления Советской власти.

Начиная с 1970-х гг. в результате естественной смены поколений количество «долгожителей» из 1950-х и 1960-х гг. начало сокращаться. Некоторые исследователи, приняв на веру данные статистики тех лет, связывали это с ухудшением экологической обстановки, изменением образа жизни, типа и качества питания населения [2, 10]. Но развитие медицины и значительное улучшение условий проживания населения за последние десятилетия в достаточной степени должны были нивелировать все эти упомянутые негативные аспекты. И на наш взгляд, основной причиной снижения количества долгожителей по республике являются не экологические факторы, а нормализация статистического учета населения.

Несмотря на всё вышесказанное, реальные случаи супердолгожительства (110 и более лет) среди местного населения Якутии встречаются. Например, в с. Саскылах Анабарского улуса проживала 117-летняя Варвара Константиновна Семенникова (Дьяконова), возраст которой верифицировали сотрудники Национального архива РС(Я). По состоянию на ноябрь 2017 г. Семенникова была признана старейшим жителем планеты [14].

Тем не менее, широко растиражированное утверждение, что Якутия являлась некогда центром долголетия в СССР, крайне сомнительно, и данный вопрос требует дополнительного и более углубленного изучения не только со стороны работников здравоохранения, но и историков.

Литература

1. Аргунов И. Человек, которому за сто / И. Аргунов // Соц. Якутия. – 1964. – № 251. – С. 4. Argunov I. The Man Who Is Over A Hundred / I. Argunov // Social Yakutia. – 1964. – №251. – p. 4.
2. Васильева Н.Г. Проблемы долгожительства в Якутии / Н.Г. Васильева // Научный поиск в современном мире: мат-лы VIII междунар. НПК (Махачкала 21 января 2015 г.). – С.253-254. Vasileva N.G. Problems of Longevity in Yakutia / N.G. Vasileva // Proceedings of the VIII International Scientific and Technological Conference "Scientific Search in the Modern World" (Makhachkala, January 21, 2015). – pp. 253-254.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. 7 т. Дальневосточный край. Якутская АССР. – М.: Издание ЦСУ СССР. – С. 175. All-Union Population Census of 1926. The Far Eastern Territory. Yakut ASSR. – M.: Publishing of the Central Statistical Bureau of the USSR. – p. 175. – Vol. 7
4. Георгиев Б. Слово старого колхозника / Б. Георгиев // Соц. Якутия. – 1951. – №241. – С.4. Georgiev B. The Word of the Old Collective Farmer / B. Georgiev // Social Yakutia. – 1951. – №241. – p. 4.
5. Ермолаев Г. Счастье советского человека / Г. Ермолаев // Соц. Якутия. – 1953. – №44. – С.4. Ermolaev G. Happiness of the Soviet Man / G. Ermolaev // Social Yakutia. – 1953. – №44. – p. 4.
6. Кузьмин Г. 110-летний колхозник / Г. Кузьмин // Соц. Якутия. – 1957. – № 36. – С. 4. Kuzmin G. 110-Year-Old Kolkhoznik / G. Kuzmin // Social Yakutia. – 1957. – №36. – p. 4.
7. Львов Л. Лет до ста расти нашей бодрости / Л. Львов // Соц. Якутия. – 1965. – №120. – С.4. Lvov L. Our Vigor Will Live To Be 100 / L. Lvov // Social Yakutia. – 1965. – №120. – p. 4.
8. Николаев В. Год Рождения – 1857. Долгожители Якутии / В. Николаев // Соц. Якутия. – 1964. – № 191. – С. 4. Nikolaev V. Year of Birth – 1857. Long-Livers of Yakutia / V. Nikolaev // Social Yakutia. – 1964. – №191. – p. 4.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: в 85 т./ LXXX. Якутская область / Под. ред. Н.А. Тройницкого. – Изд. Центрального статистич. комитета Министерства внутренних дел. – 1905. – С.6-7. – 80 т. The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897: in 85 Volumes / LXXX. Yakutsk Oblast // under the editorship of O.N. Troinitsky. – Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. – 1905. – pp. 6-7. – Vol. 80.
10. Петрова П.Г. Экология, адаптация и здоровье: особенности среды обитания и структуры населения Республики Саха / П.Г. Петрова; под ред. Н.А. Агаджаняна. – Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. – 272 с. Petrova P.G. Ecology, Adaptation, and Health: Habitat Features and Population Structure of the Sakha Republic / P.G. Petrova // under the editorship of N.A. Agajanian. – Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 1996. –272 pp.
11. Семенов Г. Долголетие в Якутии / Г. Семенов // Соц. Якутия. – 1957. – №168. – С. 3. Semenov G. Longevity in Yakutia / G. Semenov // Social Yakutia. – 1957. – No. 168, p. 3.
12. Семенов Д. 105-летняя колхозница / Д. Семенов // Соц. Якутия. – 1957. – №53. – С. 2. Semenov D. 105-Year-Old Kolkhoznitsa / D. Semenov // Social Yakutia, 1957. – №53. – p. 2.
13. Слепцов С.С. Аэропорт Оймякон – история и судьбы / С.С. Слепцов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2019. – 232 с. Slepsov S.S. Oymyakon airport - history and destiny: 2-e ed. – Yakutsk: Media-holding Yakutia, 2019. – p. 408.
14. Татарнинова О.В. Феномен супердолгожительства в Якутии // О.В. Татарнинова, Е.С. Кылбанова, В.Н. Неустроева // Успехи геронтологии. – 2008. – Т. 21. – №2. – С. 198-203. Tatarinova O.V. Yakutia's Longevity Phenomenon // O.V. Tatarinova, E.S. Kylbanova, V.N. Neustroeva // Successes of Gerontology. – 2008. – Vol. 21. – №2. – pp. 198-203.
15. Тетерин В. Бу оҕонньор / В. Тетерин // Эдэр коммунист. – 1966. – № 73. – С.4. Teterin V. Bu Oҕonniör (This Old Man) / V. Teterin // Eder Communist. – 1966. – №73. – p. 4.
16. HA PC (Я). Ф. И-12. Оп. 1. Д. 19778. Л. 1. National Archive of the Sakha (Yakutia) Republic, Backlog I-12, List 1, Case 19778. Sheet 1.
17. Там же. Л. 3. Ibid, Sheet 3.
18. Там же. Л. 5-6. Ibid, Sheets 5-6.
19. Там же. Л. 16 об. Ibid, Sheet 16 overleaf
20. Там же. Л. 66-67 об. Ibid, Sheets 66-67 overleaf
21. Там же. Ф. Р-52. Оп. 20. Д. 87. Л. 133 об. Ibid, Backlog R-52, List 20, Case 87, Sheet 133 overleaf
22. Там же. Ф. Р-52. Оп. 22. Д. 196. Л. 50 об. Ibid, Backlog R-52, List 22, Case 196, Sheet 50 overleaf
23. Там же. Ф. Р-52. Оп. 24. Д. 8. Л. 177-178. Ibid, Backlog R-52, List 24, Case 8, Sheets 177-178
24. Там же. Ф. Р-70. Оп. 38. Д. 353, 354, 355, 356. Ibid, Backlog R-70, List 38, Cases 353, 354, 355, 356
25. Там же. Ф. И-226. Оп. 15. Д. 571, 609. Ibid, Backlog I-226, List 15, Cases 571, 609
26. Там же. Ф. И-226. Оп. 16. Д. 111, 133. Ibid, Backlog I-226, List 16, Cases 111, 133
27. Там же. Ф. 349. Оп. 4. Д. 333. 64 л. Ibid, Backlog F-349, List 4, Document 333, Sheet 64
28. Там же. Ф. 762. Оп. 23. Д. 208. Л. 76. Ibid, Backlog F-762, List 23, Document 208, Sheet 76.